
Известные мне исследования современных старообрядцев Южного Алтая (Е.С. Данилко), Забайкалья (Ф.Ф. Болонев, Н.Н. Жукова), Орегона (США) (Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: сб. науч. трудов), Нижнего Поволжья (Я.С. Гринченко), Хабаровского края (Д.Т. Зайцев, Н.И. Рябинина), Урало-Поволжья (А.П. Веселова) свидетельствуют о том, что механизмы и средства социализации у старообрядцев в разных ареалах их проживания имеют много общего и в целом могут рассматриваться как проявления устойчивой субкультуры. Имеются в виду психологические механизмы социализации: импринтинг, подражание, идентификация, экзистенциальный нажим, а также выделенные мною социально-педагогические механизмы: традиционный (через семью и ближайшее социальное окружение), стилизованный (через субкультуры), институциональный (через институты и организации общества и государства), межличностный (через взаимодействие со значимыми лицами) и выявленный В.А. Плешаковым механизм киберсоциализации, основным транслятором которого является Интернет.

Материалы исследований современных старообрядческих общин позволяют предполагать, что, во-первых, основными социально-педагогическими механизмами социализации старообрядцев являются традиционный и межличностный (непротиворечиво встроенный в традиционный); а во-вторых, стилизованный механизм, исторически синкретичный с традиционным, в последние десятилетия обособляется и становится специфичным для молодых старообрядцев. Что же до институционального механизма, то он если и действует, то весьма ограниченно, оказывая знаниево-инструментальное влияние, ибо школа и какие-либо другие организации (хозяйствующие субъекты и пр.), с которыми имеют дело старообрядцы, в ценностном аспекте для них нереферентны.

Традиционный механизм социализации приводит к усвоению человеком норм, эталонов поведения, взглядов, стереотипов, которые

Социализация у старообрядцев: механизмы и средства

характерны для его семьи и ближайшего социального окружения. Их усвоение происходит, как правило, неосознаваемо, с помощью запечатления, некритичного восприятия господствующих стереотипов (то есть с помощью психологических механизмов импринтинга, экзистенциального нажима, подражания, идентификации). Этот механизм действует в процессе социализации всех людей, но в случае старообрядцев он приобретает весьма любопытные специфические черты.

Старообрядцы живут довольно замкнутыми семьями и общинами. Закрытость не столько территориальная (хотя есть и такая), сколько социально-психологическая и, как следствие, социально-педагогическая. Они очень ревностно оберегают приватность своей жизни, но не столько персональную, сколько семейную и общинную (Ф.Ф. Болонев). Впрочем, как отмечают некоторые исследователи, степень декларируемой закрытости общин не всегда совпадает с реальной (А.П. Веселова). Семьи старообрядцев, как правило, включают несколько поколений, многодетны, 9–12 детей типичны (хотя в ряде ареалов в последнее десятилетие их количество уменьшается). В общине обычно три–пять родственных семей образуют своеобразные кланы. В то же время в некоторых ареалах, например, в Верхокамье, исторически сложились общины, состоящие из нуклеарных семей, тесно связанных традицией взаимопомощи (А.П. Веселова).

Известные мне материалы позволяют сделать вывод о том, что традиционный механизм социализации эффективно функционирует в старообрядческих общинах и в семьях, как на витальном, так и на ментальном уровнях.

Витальные (букв. — *жизненные*, в нашем случае эколого-физические и бытовые) особенности жизненного уклада старообрядческих семей влияют на социализацию их членов в различных аспектах. Доступные материалы позволяют обозначить ряд из них. Так, исследователи подчёркивают

типичную для старообрядцев скрупулёзную заботу о чистоте тела, одежды, обуви, жилища, посуды (в семье, кстати, есть отдельная посуда для посторонних — «людские» кружка, тарелка). Особое внимание уделяется порядку в хозяйственных помещениях, во дворе. Всё это усваивается детьми, ибо с самого раннего детства они включены в быт семьи в соответствующей возрасту активной позиции.

Пища старообрядцев, во-первых, имеет домашнее происхождение (если я правильно понял соответствующие фрагменты описаний их жизни); во-вторых, меню очень тесно увязано с церковным календарём (посты, постные дни); в-третьих, на употребление некоторых продуктов наложен запрет (кофе, чай, казенное спиртное и др.). Дети очень рано приобщаются к семейным традициям потребления пищи, усваивая всё, что с ними связано: научившемуся сидеть ребёнку сразу полагается определённое место за обеденным столом в виде стула-креслица с подлокотниками и на высоких ножках, чтобы ребёнок ощущал себя как бы равным со всеми, и пр. (Макарий (Булгаков), митр.).

Старообрядцы не признают официальную медицину. У них сложились способы домашнего лечения различных болезней. Дети очень рано учатся собирать лечебные травы, а девочки перенимают у взрослых женщин умение готовить из них различные снадобья, попутно усваивая, когда и как ими следует пользоваться.

Теперь ряд соображений о *ментальном уровне* социализации старообрядцев. Ментальность — понятие, введённое в начале XX века французским учёным Люсьеном Леви-Брюлем, которое не имеет общепринятого определения. Его можно толковать как глубинный духовный склад, совокупность неосознанных коллективных представлений. Ментальность во многом определяет отношение членов некоторой общности к труду и специфические традиции, связанные с трудовой деятельностью; представления об удобствах быта и домашнем уюте; каноны семейного счастья

и взаимоотношений членов семьи с другими членами общности; нормы полоролового поведения и пр. (О.О. Гусев).

Ментальность, проявляющаяся в жизни семьи и общины, определяется, с одной стороны, этико-религиозной доктриной старообрядчества, а с другой — сложившимися нормами так называемого обычного права. Известные мне материалы позволяют говорить о специфическом отношении старообрядцев к труду как важнейшей составляющей их ментальности.

Здесь уместно привести суждение Валентина Распутина, не понаслышке знающего предмет разговора: «Старовер не курил, не пил вина, а в Сибири и чай пили лишь из трав и кореньев, строго соблюдали посты и моральные уставы, и лишь в одном не знал воздержания — в работе». В подтверждение приведу слова другого свидетеля: «Они (старообрядцы — рабочие леспромхоза. — А.М.) природные силачи, вручную кряжевали и штабелевали леса в два раза больше, чем бригады леспромхозовских рабочих, использующие лошадей» (Макарий (Булгаков), митр.).

Трудовая этика старообрядцев и поныне включает в себя убеждённость в необходимости ежедневного упорного труда, ибо, как уже отмечалось, это рассматривается этико-религиозной доктриной как важное средство спасения веры и души. Не менее важными считаются честность, настойчивость, аккуратность, бережливость, исполнительность. (Поневоле возникают параллели с протестантской этикой Макса Вебера, особенно если вспомнить о внушительных достижениях старообрядцев в сфере экономики до катастрофы 1917 года.) Человек, вырастающий в кругу людей, следующих подобной этике, не может не усвоить её и на вербальном, и на инструментальном уровнях.

Следствием сложившейся старообрядческой ментальности стал ряд запретов. В первую очередь, на общение с иноверцами в общих храмах и молитвах (хотя есть некоторые исключения); на браки с теми,

кто не принимает древнеправославную веру; на пищевые запреты в связи с постами, потребление «казенного» спиртного, чая, кофе; а также ряд других запретов, которые до сих пор в основном соблюдаются. Чего не скажешь о запретах на светскую литературу, музыку, живопись, танцы. Их нарушают более или менее часто.

Как отмечает американский исследователь Д. Моррис, основная разница между молодёжью и стариками сводится к количеству нарушений традиций и запретов (посещение ресторана, употребление казенного пива, нарушение поста, посещение кино и дискотеки и т.п.). Современные молодые старообрядцы, по мнению исследователя, нарушают запреты чаще, и количество нарушений среди них больше (Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: сб. науч. трудов). Вывод довольно тривиальный, ибо в любой общности младшие члены более склонны к своеволию.

Следующий важный аспект ментальности старообрядцев — условно-лингвистический. Исследователи отмечают, что старообрядцы как в России, так и особенно вне её сохранили в языке и в речи много архаического как в словаре, так и в грамматическом строе речи, что безусловно влияет на их социализацию благодаря ряду обстоятельств.

Во-первых, язык отражает не только историю старообрядческого социума, но и его жизнедеятельность, восприятие мира, канон человека и пр., что влияет на склад мышления старообрядцев, на их ценности. Как писал американский лингвист Дж. Теодорсон, «язык — это повозка традиций, сохранившихся и передающихся из поколения в поколение чувств, символов, эмоциональных ассоциаций и мифов».

Во-вторых, согласно концепции лингвистической относительности американских учёных Э. Сэпира и Б. Уорфа, восприятие и мышление человека обусловлены структурами его родного языка. Языковые

навыки и нормы, в том числе сохранившие элементы архаики, бессознательно определяют образы, «картины» мира старообрядцев, поскольку грамматический строй «навязывает» человеку способ членения и описания окружающей действительности.

В-третьих, как отмечал французский историк Мишель Фуко, речь, слова — не просто выражение наших чувств и мыслей, но формы социального контроля. В связи с этим интерес представляют сведения журналиста Мити Алешковского о том, что в довольно изолированной и немногочисленной общине старообрядцев в Боливии в избах, то есть в жилых домах, и в «деревне», то есть в месте расселения общины, все говорят только по-русски. Хотя молодёжь интенсивно общается со сверстниками из других поселений в Facebook по-испански (язык Боливии) и/или по-португальски (язык Бразилии, откуда община переехала несколько десятилетий тому назад).

Эти три обстоятельства в той или иной мере влияют на социализацию современных старообрядцев не только потому, что у них сохраняется много архаичного в речи. Видимо, большую роль играет то, что они используют церковнославянский язык во время ежедневных утренних и вечерних молитв, в молитвах перед каждым приёмом пищи. Кроме того, сохраняются традиции обязательного чтения религиозной литературы, что также не может не влиять на язык и речь старообрядцев, которые не остаются пассивными в складывании их картины мира и мировоззрения.

Средневековая книжность сохранила в старообрядческой культуре свои первоначальные функции: учения, учительства, наставничества, сохранения и передачи слова. Их совокупность, по мнению ряда исследователей, позволяет книге выполнять функцию воспроизводства и трансмиссии традиционной культуры старообрядцев (Я.С. Гринченко, Е.Е. Дутчак, Н.И. Рябинина). Таким образом, книга у старообрядцев не только отражает историю и этноре-

лигиозную доктрину старообрядчества, но и структурирует картину мира старообрядца, а также транслирует свод непреложных норм жизни и поведения старообрядца, его семьи и общины.

Своеобразие ментальности старообрядцев очень явно проявляется в особенностях взаимоотношений и поведения в семье и общине, в статусно-ролевой структуре старообрядческого социума.

Взаимоотношения в семье строятся на основании высочайшего авторитета её главы, который, однако, как правило, не является автократом (самовластным). Скорее, речь должна идти об авторитарном стиле «управления» семьёй, который допускает уважение отдельной личности, в том числе женщин и детей. Особо отмечу: дети общаются со строгим и всегда трезвым отцом.

Женщины в семье и в общине имеют довольно высокий социальный статус. Это, очевидно, связано с их большой ролью в хозяйственной сфере. Видимо, большое значение имеет и то, что во многих старообрядческих толках отсутствует церковный брак. Это делает женщину более свободной, она менее угнетаема мужем (например, у старообрядцев не фиксируются случаи избиения жён), выступает инициатором развода (к разводу, кстати, старообрядцы относятся весьма терпимо, как и к внебрачным детям). Описанная ситуация, вероятно, весьма существенно влияет на полоролевую социализацию детей старообрядцев, которые с младых ногтей усваивают соответствующие стереотипы маскулинности и фемининности (в том числе поощрение плодовитости женщин и абсолютный запрет абортов), а также нормы полоролевого поведения.

Полоролевая социализация в юности и в молодости имеет ряд особенностей. Нормы обычного права и у алтайских, и у забайкальских старообрядцев, например, допускают довольно свободное добрачное поведение как юношей, так и девушек, поощряют различные «игрища» молодёжи.

Относительная свобода имеет следствием определённую свободу добрачных связей и широкое распространение тайных браков, то есть браков без согласия родителей (и это несмотря на то, что юноши и девушки довольно свободны в выборе спутника жизни) (К. Кожурин, А.М. Леонов, Л.Н. Мукаева). Знакомство с доступными мне материалами позволяет предположить, что полоролевая социализация мужчин в старообрядческой среде «на выходе» даёт абсолютную маскулинность без флера «мачизма». Относительно женщин делать определённые выводы мне сложно.

Особо следует остановиться на воспитании как составной части социализации. В старообрядческих семьях, как правило, осуществляется воспитание, трактуемое мною как относительно осмысленное возвращение человека. Оно осуществляется также в относительно не очень многочисленных воскресных школах (но главным образом в семье и в общине). В воскресных школах (остаётся впечатление, что они чаще встречаются у поповцев) происходит религиозное обучение. Изучаются кириллическая грамота, церковнославянский язык, церковное знаменное пение, основы литургии, история Церкви, книги Святого Писания. В семье и в общине происходит воспитание как индоктринация мировоззрения, мироощущения, норм отношений и поведения, соответствующих этико-религиозной доктрине старообрядчества и в целом, и конкретного толка в частности.

Важнейшей частью воспитания является знакомство детей, подростков, юношей, девушек со священной литературой. Первоначально дети знакомятся с текстами — родители, другие взрослые и старшие по разным поводам произносят цитаты или целые фрагменты из книг (Азбука, Часослов, Жития святых и др.). Принято в семье зачитывать целые произведения (те же Жития, Библия и др.) (А.П. Веселова, Е.С. Данилко).

В семьях совершенно осознанно передаются старообрядческие традиции в возможно наиболее полном виде. По свидетельству

исследователей, осознанно, планомерно и целенаправленно передаются традиции в богослужении, в исполнении религиозных обрядов, в святоотеческой книжности (обязательное чтение религиозной литературы) и, что в аспекте социализации особенно важно, в образе и стиле жизни. Так, например, как уже говорилось, обязательны молитвы утром и вечером, до и после еды, соблюдение четырёх постов и постных дней недели — среды и пятницы.

У старообрядцев Забайкалья, по данным А.М. Леонова, осмысленное воспитание начинается ещё до рождения ребёнка. В присутствии беременной женщины нельзя громко и резко говорить. Свекровь строго следит за тем, чтобы невестка избегала неприятных встреч, незнакомых людей, чтобы сама не говорила «худого слова» и не делала ничего «чёрного». По данным И.И. Помуран, воспитательная практика родителей включает в себя директивность, авторитарность, сочетание эмоциональной поддержки с контролем, уважение матери к сыну, пассивность отца в воспитании дочери, директивность и жёсткий контроль матери над дочерью. Попутно надо обратить внимание на то, что в воспитании своих детей старообрядцы не прибегают ни к телесным наказаниям, ни к окрикам (Л.Н. Мукаева).

В семье с ранних лет дети приучаются к осмысленным занятиям по хозяйству и к вполне взрослому труду. Они получают опыт не только исполнительности, но и самостоятельности и даже умения вести дела семьи. Начиная с довольно раннего возраста, практикуется возложение ответственности на ребёнка. Как пример, эпизод из воспоминаний шофёра Олега Гусева о его наблюдениях за жизнью общины старообрядцев-репатриантов с КВЖД в Хабаровском крае. Он возил детей старообрядцев в школу. Однажды к нему обратился шестиклассник.

«Юный Старков говорит:

— Нельзя ли с тобой договориться насчёт машины? Вывезти с огорода картошку.

— У меня ведь не грузовик (автобус ПАЗ. — А.М.).

— Картошка будет в мешках. Машину мы помоем. И *рассчитаемся*» (курсив наш. — А.М.).

Тот же О.О. Гусев рассказывает о том, как компания младших подростков, озабоченных заготовкой запасов на зиму, без взрослых на всю ночь уходит на лодке ловить рыбу. (Он же описывает празднование дня рождения маленькой девочки, в котором специально для проявления уважения к ней и для придания событию особой значимости участвуют старейшие члены общины.)

Создаётся устойчивое впечатление, что в семье и в общине культивируется сочетание высокого авторитета взрослых с уважением к младшим. Видимо, следствием этого можно считать фиксируемые исследователями у юных старообрядцев смелость в отстаивании своего мнения, хорошие навыки взаимодействия как со сверстниками, так и с младшими и старшими. Особо следует отметить данные о формировании в старообрядческом социуме высокой самооценки у юношей (Н.Н. Помуран). В последнем ведущую роль, видимо, играет многодетность, то есть наличие младших. (Попутно: в исследовании начала 70-х годов XX века, проведённом в крупных городах, было выявлено, что старшеклассники, имевшие младших братьев и сестёр, обладали более высокой самооценкой.)

Исследователи и российских, и американских старообрядцев отмечают их честность, чуткость, жизнерадостность (Помуран Н.Н. Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: сб. науч. трудов). О.О. Гусев в своих записках отмечает: «Что касается поведения детей-староверов, то... держали они себя в обществе других детей, а также на улицах, в магазине и вообще везде совершенно свободно, естественно. К тому же племя это было дисциплинировано: не было случая, чтобы из-за плохой погоды или других причин

кто-то опоздал в мой автобус». Любопытное наблюдение сделал американский исследователь Д. Моррис: «Школьные учителя (в штате Орегон. — А.М.) часто удивляются, насколько благонравие и дисциплинированность свойственны ученикам из старообрядческих семей» (Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): сб. науч. трудов / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко). Аналогичными впечатлениями делятся и забайкальские учителя (А.М. Леонов).

На основании вышесказанного можно предложить ряд предварительных и довольно гипотетических выводов относительно того, в чём специфика социализации старообрядцев.

Во-первых, следует отметить, что социализация в старообрядческом социуме имеет преимущественно субъект-субъектный характер. И в общине, и в семье весьма высок уровень субъектности каждого отдельного человека, начиная с довольно раннего возраста, об этом свидетельствуют многие данные и факты, приведённые выше. Было бы очень важно изучить то, как высокий уровень субъектности проявляется в процессе самоизменения старообрядцев.

Во-вторых, те исследования и наблюдения, с которыми я познакомил читателей, позволяют с высокой долей вероятности предполагать, что в старообрядческом социуме стихийная и относительно социально контролируемая социализация имеют непротиворечивый характер. Этот вывод справедлив по отношению к семейному воспитанию и к религиозному воспитанию, но вряд ли корректен по отношению к социальному воспитанию в воспитательных организациях.

В-третьих, следует ещё раз подчеркнуть, что преобладающим, а пожалуй, и основным социально-педагогическим механизмом социализации является традиционный, в рамках которого большую роль играют такие психологические механизмы, как экзистенциальный нажим и идентификация (они, видимо, «работают» практически на всех

возрастных этапах, в отличие от импринтинга и подражания, которые действуют, очевидно, в ранних возрастах).

В-четвёртых, очевиден вывод о том, что сущность социализации старообрядцев представляет собой сочетание индивидуального *приспособления* к старообрядческому микросоциуму и группового (семья, община) приспособления к окружающему миру с групповым *обособлением* в составе семьи и/или общины в окружающем мире. Было бы очень интересно проверить этот вывод эмпирическими исследованиями, которые позволили бы дать содержательную характеристику как приспособлению, так и обособлению в социуме старообрядцев.

В-пятых, доступные мне весьма скудные материалы позволяют предположить, что универсальный набор средств социализации в старообрядческих семьях и общинах имеет большую специфику, когда речь идёт о формировании бытовых и гигиенических навыков, умений и представлений; элементах духовной культуры (книгах, обычаях, предметах культа); стиле общения в семье, в группах сверстников, в общине; приобщении к отношениям в основных сферах жизнедеятельности (общении, игре, познании, предметно-практической и духовно-практической деятельности, в том числе — религиозной жизни).

В-шестых, результатом социализации в старообрядческих семьях и общинах становится возвращение особого типа личности, существенно отличающегося от модальных типов российского социума, о чём

писал В. Распутин: «Это был тот же человек, что и рядом с ним в обычной православной деревне, и всё же далеко не тот: по-другому живущий и верующий, по-другому смотрящий на мир — всё основательно, весомо, тяжело... Со временем он выделился в особый тип русского человека».

В заключение хочу сделать две очень важные оговорки. Во-первых, во многих текстах, появившихся до конца 1980-х годов, старообрядцев нещадно очерняли. Вполне возможно, что тексты, появившиеся в постсоветский период, не избежали некоторой идеализации жизни старообрядческих общин. Это тем более вероятно, что собственно социально-психологические и социально-педагогические исследования старообрядческих семей и общин единичны и, естественно, не охватывают даже приблизительно жизнедеятельность российских и зарубежных старообрядцев.

Во-вторых, дело в том, что все доступные мне материалы относятся к семьям старообрядцев, живущим в старообрядческих общинах в сельской местности. В то же время и в городах живёт немалое количество старообрядцев. Но совершенно очевидно, что социализация горожан весьма существенно отличается от социализации сельских жителей. Что это за различия, в чём и как они проявляются, в чём специфика механизмов и средств социализации городских старообрядцев, видимо, ещё только предстоит изучить.

2015